

12.02.92

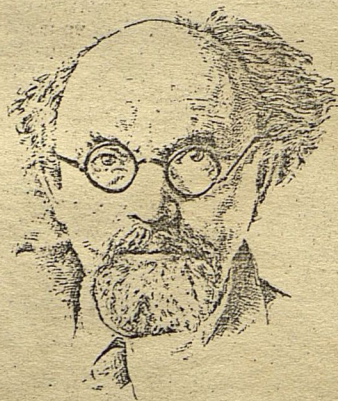
Рот Москва - 1993 - 12 фев

Из записной книжки старого вечерочника

«ЭТО НЕ ТОЛЬКО ПОЭЗИЯ...»

Было это февральским вечером 1948 года. В Центральном Доме литераторов проходил творческий вечер одного из старейших русских писателей Михаила Михайловича Пришвина, которому исполнилось 75 лет и 50 лет его интереснейшей творческой деятельности.

Книги Пришвина с одинаковым интересом читали, да и ныне читают и взрослые, и дети. Его та-

лант своеобразен и неповторим. На юбилейном вечере в ЦДЛ Михаила Михайловича приветствовали люди самых различных профессий. Здесь можно было услышать добрые слова, идущие от сердца юного географа, этнографа, фольклориста, зоолога, бывалого путешественника и старого охотника.

Все они говорили о Пришвине как об истинно русском певце родной природы, умеющем раскрыть читателю все величие его родины, искусно делая это через пейзаж, увиденную природу, а за всем этим чувствовался удивительный человек.

В моей записной книжке сохранилась запись выступления на вечере генерала Гарница:

«Это было в дни Великой Отечественной войны. В старом белорусском лесу на берегах реки Друть стояли наши войска, готовясь к наступлению. Вершины стройных деревьев были опалены, безжалостно срезаны артиллерийскими снарядами. С наблюдательной вышки спустился генерал, усталой походкой вошел в землянку. Глазам его предстала картина: на самодельном столе сидел мо-

лодой офицер и читал какую-то книгу, а вокруг него, внимательно слушая, расположились солдаты. Генерал услышал знакомые строки из книги Михаила Пришвина «В краю непуганых птиц». Когда офицер кончил читать, в землянке наступила тишина. Вдруг раздался голос старого солдата: «Хорошо пишет! Надо так сделать, чтобы никто не портил наши леса».

Прошло пять лет с того юбилейного вечера ЦДЛ, и там же отмечалось 80-летие Михаила Михайловича. Я был на этом вечере, а утром того дня пришел домой к юбиляру.

В тот год февраль оказался на редкость морозным.

— Градусов 30 будет, — говорил М. М. Пришвин. — Но это последнее дыхание зимы, последний зимний месяц — февраль. Скоро оттепели придут, скоро март — весна света.

Михаил Михайлович сидел в кресле, за письменным рабочим столом. В кресле удобно примостился и чудесный щенок, а у ног писателя лежал красавец пойнтер — верный друг Михаила Михайловича.

С нетерпением ждал Пришвин того дня, когда сможет уехать к себе в деревню, на дачу в один из уголков Подмосковья на берегу Москвы-реки, под Звенигородом. Здесь он проводил большую часть года — восемь месяцев. Едва забрезжит рассвет, писатель выходил из дома, на плечах ружье, рядом верный друг — охотничий пес.

— В лесу, — говорил Михаил Михайлович, — как художник, делаю необходимые мне этюды. В небольшую книжечку записываю все то, что происходит вокруг меня.

Дома эти своеобразные писательские этюды переписывались в специальный дневник и бережно сохранялись.

— На новую «Кладовую солнца» хватит, — замечает писатель. — Я, как скупой рыцарь, храню все эти записи.

В то февральское утро, когда я был у Михаила Михайловича, он готовился к своему вечеру в ЦДЛ. И вот сейчас отмечается 120-летие со дня рождения писателя, и невольно приходят на память слова А. Блока, который, прочтя один из рассказов Пришвина, сказал: «Это не только поэзия, но еще что-то сверх поэзии».

Всеволод ШЕВЦОВ.

Рис. Эдуарда ЯРОВА.